

№ 6 (188)
июнь

2012

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

*К образу
чудотворной иконы*

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

АПОСТОЛЫ

«Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искарюта, который потом сделался предателем.»

(Лук.6:13-16)

Окончание. Начало №5, 2012г.

ВЕРУЮЩИЙ БЛИЗНЕЦ

По церковному преданию апостола Фому называли Дидим — «близнецом» — потому что он был внешне похож на Иисуса Христа. Один из моментов евангельской истории, связанный с Фомой — «уверение Фомы». В Евангелии говорится, что Фома не поверил рассказам других учеников о Воскресении Иисуса Христа, пока не увидел собственными глазами раны от гвоздей и пробитые копьем ребра Христа.

Выражение «Фома неверующий» (или «неверный») стало нарицательным именем для неверчивого слушателя.

«Фома, бывший некогда слабее других апостолов в вере, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — сделался по благодати Божией мужественнее, ревностнее и неутомимее всех их, так что обошел со своей проповедью почти всю землю, не убоившись возвещать Слово Божие народам диким».

Апостол Фома основал христианские Церкви в Палестине, Месопотамии, Парфии, Эфиопии и Индии. Проповедь Евангелия апостол запечатлел мученической смертью. За обращение ко Христу сына и супруги правителя индийского города Мелиапора (Мелипура) святой апостол был заключен в темницу, где его долго пытали. Просле чего, пронзенный пятью копьями, он умер. Части мощей святого апостола Фомы есть в Индии, Венгрии и на Афоне.

В честь Фомы названы остров Сан-Томе и столица государства Сан-Томе и Принсипи город Сан-Томе.

ИАКОВ АЛФЕЕВ

Иаков Алфеев в Новом Завете упоминается во всех списках 12 апостолов, причем всегда на 9-м месте. Святитель Кирилл Александрийский называет родиной апостола Иакова город Капернаум. Судя по тому, что в Евангелии от Марка (2. 14) Матфей мытарь называется Левием Алфеевым, можно предположить, что он был братом апостола Иакова, а по-

скольку о призвании Иакова Алфеева в Евангелиях ничего не сообщается, то вполне вероятно, что к Иисусу Христу его привел Матфей. Деяния святых апостолов (1. 13) сообщают об участии Иакова Алфеева вместе с другими апостолами в праздновании Пятидесятницы.

После Сошествия Святого Духа апостол Иаков Алфеев совершал миссионерские путешествия вместе с апостолом Андреем Первозванным, проповедуя в Иудее, Эдессе, Газе, Елефферополе. В египетском городе Острадыне святой Иаков мученически завершил свои апостольские подвиги крестной смертью.

НЕ ПРЕДАТЕЛЬ

Иуда Фаддей (Иуда Иаковлев или Леввей) — брат Иакова Алфеева, сын Алфея или Клеопы. В Евангелии от Иоанна Иуда на Тайной Вечере задает вопрос Иисусу о его грядущем воскресении.

При этом он назван «Иуда, не Искарюта», чтобы отличить его от Иуды предателя.

В Евангелии от Луки и Деяниях апостол назван Иудой Иаковлевым, что традиционно понималось как Иуда, брат Иакова. В Средние века апостол Иуда зачастую отождествлялся с Иудой, родным братом Иисуса Христа, упомянутым в Евангелии от Марка. Сейчас большинство библистов полагают апостола Иуду и Иуду, «брата Господня», разными лицами. Определенную трудность в связи с этим вызывает установление авторства Послания Иуды, включенного в канон Нового Завета, которое может принадлежать перу обоих.

Согласно преданию, апостол Иуда проповедовал в

Палестине, в Аравии, Сирии и Месопотамии, и умер мученической смертью в Армении во второй половине I века н. э.

БОРЦЫ С РИМЛЯНИ

Сведения в Евангелиях о Симоне Кананите крайне скудны. Он упомянут в Евангельских списках апостолов, где зовется Симон Зилотом или Сином Кананитом, чтобы отличить его от Симона Петра. Никаких других сведений об апостоле Новый Завет не приводит. Имя Кананит, могло означать его принадлежность к политико-религиозному движению зилотов (зелотов) — непримиримых борцов с римским владычеством.

Согласно преданию святой апостол Симон проповедовал учение Христово в Иудее, Египте и Ливии. Возможно, проповедовал вместе с апостолом Иудой Фаддеем в Персии. Есть сведения (неподтвержденные) о посещении апостолом Сином Британии.

По преданию апостол принял мученическую кончину на Черноморском побережье Кавказа: был заживо распялен пилой.

Погребен в городе Никопсин, местоположение которого также вызывает споры. Согласно официальной теории, этот город — нынешний Новый Афон в Абхазии; по другой (более вероятной), он находился на месте нынешнего поселка Новомихайловского в Краснодарском крае. В XIX веке на предполагаемом месте подвигов апостола, близ Апсарской горы, был сооружен Новоафонский монастырь Симона Кананита.

ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ

Иуда Искариот (Иешуда иш-Крайот, «Иешуда из Кериофа») — сын Симона, апостол, предавший Иисуса Христа. Прозвище «Искариот» в среде апостолов Иуда получил для отличия от другого ученика Христа, сына Иакова, Иуды, прозванного Фаддеем. Ссылаясь на географическое расположение города Кериоф (Крайот), большинство исследователей сходится во мнении, что Искариот был единственным представителем колена Иудина среди апостолов.

После того как Иисус Христос был приговорен к распятию, Иуда, предавший его, возвратил 30 сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: «Согрешил я, предав кровь невинную». Они же ответили: «Что нам до того?» Оставив сребреники в храме, Иуда ушел и повесился.

Поверье гласит, что Иуда повесился на осине, которая с тех пор стала дрожать от ужаса при малейшем ветерке, вспоминая предателя.

После предательства и самоубийства Иуды Искариота ученики Иисуса решили выбрать нового апостола на место Иуды. Они выбрали двух кандидатов: «Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия» и, помолвившись Богу, чтобы он указал, кого сделать апостолом, бросили жребий. Жребий выпал Матфию.

ЗАВЕСТИТЕЛЬ ПО ЖРЕБИЮ

Апостол Матфий родился в Вифлееме, где с раннего детства изучал Закон Божий по священным книгам

под руководством святого Симеона Богоприимца. Матфий уверовал в Мессию, неотступно следовал за ним и был избран в число 70 учеников, которых Господь «посылал по два пред лицом Своим».

После Сошествия Святого Духа апостол Матфий проповедовал Евангелие в Иерусалиме и в Иудее вместе с прочими апостолами. Из Иерусалима с Петром и Андреем ушел в Антиохию Сирийскую, был в каппадокийском городе Тиане и в Синопе.

Здесь апостола Матфия заключили в темницу, из которой он был чудесно освобожден апостолом Андреем Первозванным.

Тогда Матфий отправился в Амасию, и Эфиопию Понтийскую (нынешняя Западная Грузия), многократно подвергаясь смертельной опасности.

Он творил великие чудеса Именем Господа Иисуса и обратил множество людей к вере во Христа. Иудейский первосвященник Анан, ненавидевший Христа, давший ранее повеление сбросить с высоты храма Иакова, брата Господня, приказал взять апостола Матфия и представить на суд синедриона в Иерусалиме.

Примерно в 63 году Матфий был осужден на смерть, через побивание камнями. Когда святой Матфий был уже мертв, иудеи, скрывая преступление, отсекали ему голову как противнику кесаря. По другим же источникам, апостола Матфия распяли на кресте. А по-третьим, наименее достоверным, он умер своей смертью в Колхиде.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Апостол Павел, первоначально носивший еврейское имя Савл, принадлежал к колену Вениаминову и родился в киликийском городе Тарсе (в Малой Азии), где получил свое первое воспитание и, вероятно, там же познакомился с языческой культурой.

Последующее образование он получил в Иерусалиме, в славившейся тогда раввинской академии. Здесь же, по принятому у евреев обычаю, молодой Савл изучил искусство делать палатки, которое потом помогло ему зарабатывать средства на пропитание собственным трудом.

Будущий апостол готовился к должности раввина (религиозного наставника), а потому сразу же после окончания своего воспитания и образования он проявил себя сильным ревнителем фарисейских преданий и гонителей веры Христовой. Может быть по назначению синедриона он стал свидетелем смерти первомученика Стефана, а затем получил власть официально преследовать христиан даже за пределами Палестины в Дамаске.

Господь, усмотревший в нем «сосуд избранный Себе», на пути в Дамаск чудесным образом призвал его к апостольскому служению. Во время путешествия Савла осветил ярчайший свет, от которого он слепым упал на землю. Из света раздался голос: «Савл, Савл, почему ты гонишь Меня?» На вопрос Савла: «Кто Ты?» — Господь ответил: «Я Иисус, Которого ты гонишь». Господь повелел Савлу идти в Дамаск, где ему будет указано, что делать дальше. Спутники Савла слы-

шали голос Христа, но света не видели. Приведенный под руки в Дамаск, ослепший Савл был научен вере и на третий день крещен. В момент погружения в воду Савл прозрел. С этого времени он сделался ревностным проповедником прежде гонимого учения.

По повелению Духа Святого — Савл вместе с апостолом Варнавой отправился в свое первое апостольское путешествие. Апостолы прошли весь остров Кипр, и с этого времени Савл, который обратил к вере проконсула Сергия Павла, именуется уже Павлом. За это время миссионерского путешествия Павла и Варнавы были основаны христианские общины в малоазийских городах: Антиохии Писидийской, Иконии, Листре и Дервии.

Через некоторое время апостол Павел предпринимает второе (51-54 гг.), а затем и третье (56-58 гг.) апостольское путешествие, посещая сначала ранее основанные им малоазийские церкви, и возвращается в Иерусалим.

В Иерусалиме апостол Павел был взят под стражу римскими властями и оказался в заточении, а два года спустя он, как римский гражданин, по его желанию был отправлен в Рим на суд кесаря. Потерпев кораблекрушение у о. Мальты, апостол только летом 62 года достиг Рима, где пользовался большим снисхождением римских властей и свободно проповедовал.

Дальнейшая судьба апостола Павла в точности не известна. Некоторые считают, что он оставался в Риме и по повелению

Нерона был предан мученической смерти в 64 году. Но

есть основания предполагать, что после двухлетнего заключения и защиты своего дела перед сенатом и императором апостол Павел был освобожден и снова путешествовал на Восток. Указания на это можно найти в его «пастырских посланиях» — к Тимофею и Титу.

После возвращения в Рим он был снова заключен в темницу, в которой и находился до смерти. Есть предание, что после возвращения в Рим он проповедовал даже при дворе императора Нерона и обратил к вере во Христа его любимую наложницу. За это он был предан суду, и хотя милостью Божией избавлен был, по собственному выражению, от львиных челюстей, то есть от съедения зверями в цирке, однако был заключен в темницу.

После девятимесячного заключения он был усечен мечом, как римский гражданин, недалеко от Рима в 67 году после Р. Х., в 12 год царствования Нерона.

Апостол Павел написал 14 посланий, представляющих собой систематизацию христианского учения. Эти послания, благодаря его широкому образованию и пронизательности, отличаются большой самобытностью.

Апостол Павел, как и апостол Петр, много потрудился в распространении Христовой веры и справедливо почитается вместе с ним «столпом» Церкви Христовой и первоверховным апостолом. Они оба мученически скончались в Риме при императоре Нероне, и их память празднуется в один день 12 июля.

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛИТЕРАТУРА

ПРОТОИЕРЕИ
СЕРГИЙ ФИСУН

О духовных исканиях В.М. Шукшина

В идеальном измерении человеческое лицо — это лик, образ Божий в человеке. И тайна притягательной силы творчества Шукшина заключается в том, что он стремится проявлять этот лик в своих героях. Образ Божий, порой скрыто, неотчетливо, но явлен в «чудиках», несмотря на их греховное помрачение. Герои Шукшина часто идут против своей выгоды, при этом в их поступках не прослеживается и выгоды для «общественного блага», тем не менее их поступки, порой нелепые, возвышают их, отрывают от земли, от мира дольного.

Окончание. Начало №5, 2012г.

В 60-е годы в советском искусстве растет запрос на безрелигиозных праведников. Антирелигиозная пропаганда внушала — ты честно потрудился, честно жил. А теперь спокойно помирай. Жизнь закончена. Традиция такого, по сути языческого, отношения к

смерти заложена была еще в фильме Довженко «Земля». В фильме старик бесстыдно и спокойно умирает, не после исповеди и Святого причастия, но съевши яблоко нового колхозного урожая. Но герои Шукшина не обретают покоя в этой советско-колхозной «праведности». Им мало даже того, что они не ловчили, не лгали, не выгады-

вали. Они не приемлют языческого, «естественного» восприятия смерти как «мудрой» природной данности. В рассказе «Думы» главный герой — председатель колхоза. Тат самый мирской праведник. Но он безоружен перед тайной жизни и смерти. С конца 60-х годов эта гнетущая, экзистенциальная тоска мучает всех героев Шукшина. Они не понимают, зачем жили, и не хотят умирать.

Смерть присутствует почти во всех рассказах Шукшина. Смерть — это и самоубийство: «Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»; это и «просто смерть»: «Как помирал старик», «Земляки», «Осенью», «Сашка». Многие герои как бы «примеривают» смерть: «Думы», «Хозяин бани и огорода», «Алеша Бесконвойный». Не получается у героев Шукшина благобно встретить смерть. Смерть для них — это неправда, это зло. Для человеческого естества, для души и тела смерть враждебна и противоестественна. Смертельно больные люди, глубокие старики все равно хотят жить. Для них невозможно примирение со смертью ни в детях, ни в добрых делах, ни в памяти окружающих. Они жаждут личного вечного бытия, но это то бытие, которое дает лишь Бог, Церковь и вера.

О трех жизнях мечтает Егор Прокудин, хоть полгода жизни просит умирающий Санька. Старик Григорий из «Земляков» говорит: «Жалко... не нажился, не устал. Не готов, так сказать... А так бы и пристроился где-нибудь, чтоб и забыли про тебя, и так бы лет двести!» Даже явно несимпатичные герои Шукшина («Билетик на второй сеанс») именно в желании жизни, бытия приобретают некие положительные черты. Однако это желание жить, во что бы то ни стало, с полным попранием всех нравственных норм, бывает в героях Шукшина и омерзительным: туберкулезный поп, провозглашает свое «Верую! — «В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мягкость телесную-у!..» Эта животная жажда жить во что бы то ни стало роднит одержимого попа с убийцей из рассказа «Охота жить».

Желание жить у героев Шукшина не только оттого, что «не насмотрелся», «не радовался» окружающему миру, глубинный смысл этого желания — понять сокровенный смысл жизни. Это хочет понять и сам автор — что же главное, основное не смог сделать в своей жизни даже самый честный человек — труженик, такой как дядя Ермолай из одноименного рассказа. «И дума моя о нем — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут: дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или — не было никакого смысла, а была работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же

я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так — не кто умнее, а — кто ближе к Истине. И уж совсем мучительно — до отчаяния и злости — не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так — грамоты ради и слегка из трусости — величаю ее с заглавной буквы, а не знаю — что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их».

Желание бытия велит и автору и персонажам снять шапку перед «Кем-то». Не случайно Шукшин говорит об Истине с большой буквы. «В чем Истина-то?» — Но это не вопрошание Пилата, который видит пред собой Путь, и Истину и Жизнь, и тем не менее обрекает Христа на распятие. У Шукшина и его героев это искреннее вопрошание Экклезиаста.

Шукшин вовсе не возвеличивал, не идеализировал, не ставил в пример в качестве образцов нравственных совершенств своих «чудиков». Вообще для рассмотрения феномена «чудиков» в современной русской литературе от Шукшина до миниатюр Анатолия Трушкина в исполнении земляка Шукшина, ныне покойного М. Евдокимова, необходимо обратиться к искусству века XIX: к творчеству И.Н. Крамского и Ф.М. Достоевского.

Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» дает очень любопытную характеристику картине Крамского «Созерцатель»: «изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках, стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении, забредший мужичонка, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то «созерцает». Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас, точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то, наверно, бы ничего не припомнил, но зато, наверно, бы затаил в себе то впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он, наверно, их копит, неприметно и даже не сознавая, — для чего и зачем, конечно, тоже не знает: может вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то и другое вместе. Созерцателей в народе довольно».

Еще более важным нам кажется комментарий И.Н. Крамского к картине «Полесовщик» в письме к П.М. Третьякову: «Мой этюд в простреленной шапке по замыслу должен был изображать один из тех типов (они есть в русском народе), которые много из социального

В.Е. Попков
«Мать и сын», 1970 г.

и политического строя народной жизни понимают своим умом и у которых глубоко засело неудовольствие, граничащее с ненавистью. Из таких людей в трудные минуты набирают свои шайки Стеньки Разина, Пугачевы, а в обыкновенное время они действуют в одиночку, где и как придется: но никогда не мирятся».

Двигатель героя Крамского и многих героев Шукшина один — «неудовольствие, граничащее с ненавистью». Сходство эпох — отмена крепостного права, разрушение быта русской общины в середине XIX века, утрата веры частью крестьянства вслед за интеллигенцией. Именно так объясняет и Шукшин героя рассказа «Срезал»: «Человек при дележе социальных богатств решил, что он обойден, и принялся мстить...».

Вот подлинная духовная трагедия героев Шукшина — отсутствие внутренней мотивации, обусловленной верой. Герой может поехать за тридевять земель рассказать больной племяннице сказку, а может ни с того ни с сего свалить церковь. Без веры, без Истины человек не только иссыхает, тоскует, надрывается — он становится уязвим для сил зла. Не могут бесы без участия Ивана-дурака проникнуть в монастырь. И ради никчемной справки, а точнее, ради прописки с «интеллигентными» соседями в уютной столичной библиотеке Иван сдает и попирает главную народную святыню — Церковь.

Мятущиеся «чудики» вовсе не так безобидны, как кажется на первый, невнимательный взгляд. И прежде всего для себя самих и своей семьи. В ссоре с женой за субботнюю баню Алеша готов едва ли не на самоубийство. Не случайно баня бывает в субботний вечер, накануне воскресенья, — это время церковной молитвы — Всенощного бдения. Для Алеша баня и есть, кажется, своего рода церковь, омовение и тела и души. Но плохо омывается душа в воспоминаниях о блудном грехе с мошенницей Алей. Ему невдомек, что этот нераскаянный блуд с юности иссушил его душу, исказил жизнь. Блудные воспоминания об Але — истинное наполнение банного действия. В реальной жизни Алеша не любил свою первую, умершую жену, не любит и вторую, родившую ему пятеро детей. Детей он не рождает, а «мастерит», чудо рождения новой жизни низводит до обидного физиологизма. Детей он любит, но так, что никто не знает об этой любви: «Алеша любил детей, но никто бы никогда так не подумал, что он любит детей: он не показывал. Иногда он подолгу внимательно смотрел на какого-нибудь, и у него в груди ныло от любви и восторга. Он все изумлялся природе: из чего получился человек?! Ведь ни из чего, из малой какой-то малости». Духовно Алеша отчужден от детей. Он не находит, о чем перемолвиться с сыном-подростком. Он жалеет лишь о том, что не передал сыну любви к бане...

Прошедшие коллективизацию, голод, страшную войну, войны и работяги являют свою беспомощность и беззащитность. Не это ли ощущение беззащитности вызывает у Шукшина тягу к сильному герою, народному защитнику Стеньке Разину? Это почти маниакальное одержание образом Степана Разина отмечают почти все исследователи творчества Шукшина. В.И. Белов свидетельствовал: «Разин всецело владел Макарычем» и не понимал, что может так притягивать Шукшина к Разину.

В самом деле, почему Шукшин, увлеченный обра-

зом Разина, сформировавшимся в его воображении, пытался и себя и окружающих убедить, что в народной памяти Разин жив как образ положительный, едва ли не прекрасный? Ведь так называемые «народные» песни «Из-за острова на стрежень», «Есть на волге утес» — новоделы конца мятежного XIX века, вышедшие из-под пера либералов и демократов-нигилистов. Именно с этими гимнами творился и Октябрьский переворот, и разрушение храмов, и последующее разрушение деревни. Даже встреча с настоящим хранителем народной правды не смогла переубедить Шукшина. «Мне вспомнилась одна встреча на Дону. Увидел я на пристани в Старочеркаске бело-бородого старца, и захотелось мне узнать: как он думает про Степана? Спросил. «А чего ты про него вспомнил? Разбойник он... Лихой человек. И вспоминать-то его не надо». Так сказал старик. Я оторопел: чтобы на Дону и так... Но потом, когда спокойно подумал, понял. Работала на Руси и другая сила — и сколько лет работала! — церковь. Она, расторопная, прокляла Разина еще живого и проклинала еще 250 лет ежегодно, в великий пост. Это огромная работа. И она-то, эта действительно огромная работа, прямоком наводит на мысль: как же крепка благодарная память народа, что даже такие мощные удары не смогли пошатнуть ее, не внесли и смятения в душу народную — и образ Степана Тимофеевича живет в ней — родной и понятной. Что ж, что старичок не хочет вспоминать? Значит, уж очень усердно бился лбом в поклонах — память отшибло». Итак, даже встретившись с реальной народной памятью, Шукшин не смог ее осмыслить и принять, ему показалось проще обвинить Церковь. Но сведения о проклятиях Разина Церковью были почерпнуты, видимо, из советских идеологизированных источников: на самом деле анафему в храмах Разину возглашали в течение менее чем сорока лет — да и то в годы Пугачевского бунта. С 1804 года в храмах Разина никто не проклинал.

Но остается вопрос: насколько Шукшин был искренен, когда в многочисленных интервью, просьбах к руководителям киностудий, власти предрержащим бюрократам о разрешении на постановку фильма трактовал образ Разина: как — то подозрительно заученно, словно скороговоркой, и достаточно банально. Самое главное: почему Шукшин в этих документах настойчиво отстаивал право показать своего героя жестоким? Почему требовал разрешить ему снять кровавые сцены насилия Разина? Для того, кто хоть сколько-нибудь знаком с творчеством Шукшина, это загадка. В художественном мире Шукшина жестокость и носители жестокости — всегда отвратительны.

Ответ на эти вопросы, как кажется, дает фильм-загадка «Странные люди». Этот фильм — свидетельство того, что духовный мир Шукшина необычайно сложен, динамичен, и общий вектор его духовного развития направлен к обретению веры. Почему-то очень легко Шукшин согласился с тем, что этот фильм — творческая неудача. Только потому, что он шел в пустых залах? По нашему мнению, этот фильм-притча — самое современное, самое злободневное произведение Шукшина. Остается загадкой, как этот фильм, особенно киноновелла «Думы», был пропущен советской цензурой?

Внешняя канва киноновеллы отчасти строится по мотивам рассказов «Думы» и «Стенька Разин», но

это именно отчасти: киноновелла значительно сложнее рассказов и несет новые смыслы. Повествование вроде бы предельно просто, как и круг обозначенных тем. Посоветски положительный председатель колхоза Матвей Рязанцев, подводя итоги жизни, видит, что в его в жизни, кажется, не случилось главного — любви. Параллельно разворачивается история деревенского самородка, резчика скульптур, «кукол», как говорят земляки, тридцатилетнего неженатого Николая. Несколько раз в фильме подчеркивается, что дом, построенный отцом Николая, заваливается, но явно мастеровой Николай равнодушен к этому, он не внимает и горестным просьбам матери взяться за ум и починить разваливающийся дом. Вдохновляемый совершенно чуждым для деревни человеком — интеллигентом Вениамином Захаровичем, — Николай пытается вырезать из дерева Степана Разина, но, разочарованный несоответствием своего творения тому образу, который существовал в его душе, подобно бажовскому Даниле Мастеру, разбившему вазу, сжигает свою скульптуру.

Казалось бы, фабула фильма развивается по знакомым шаблонам советского искусства. Но странным образом в новеллу-притчу вплетается второй план — религиозно-мистический. В фильме отчетливо звучат гоголевские мотивы «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — в советской деревеньке балом правит мертвенный мир демонических сил. «Блажная», глубоко дисгармоничная песня, лейтмотивом звучащая в фильме и лишаящая жителей покоя, показывает, что колхозная деревенская гармония обманчива. Не случайно гармониста Петьку именуют в фильме «чертом блажным» и «баламутом чертовым».

Новая странность: в деревеньке вроде бы действующая исправная церковь, с крестами на куполах, но звуковой фон — не колокольный звон, а мелодия кремлевских курантов, которая на фоне крестов звучит, на наш взгляд, зловеще. В русской деревне восторжествовали лжецерковь и лжерелигия.

Диссонанс все более и более нагнетается: в фильме появляются сюжеты, которых не было в рассказах. Трудно понять, что это: сон, явь или думы Матвея — когда на лужайке мирный хоровод: традиционная балалайка, баян, народный танец. Казалось бы, вот она, духовная гармония новой деревни. Сам Матвей, кажется, наконец умиротворен, он даже пристраивается к хороводу, и самая красивая девушка с длинной косой танцует с ним — это как бы примирение, через народное самодельное искусство, отцов и детей, старости и юности, традиции и современности... Но идиллия резко взрывается неистовым рок-н-роллом, отвратительным брэнчанием гитар, безумными завываниями и истериче-

скими криками молодежи, при этом и хоровод в русских национальных одеждах начинает ломаться в неистовом танце, а красавица-партнерша Матвея уже пускает табачный дым изо рта. Парни с гитарами брэнчат, сидя на ветвях берез. Матвей в ужасе. Он с омерзением пытается стаскивать с деревьев одержимых, ему никто не сопротивляется, более того, они его не видят. Самородок-художник Колька — в общем хороводе беснующихся. Испуганный Матвей вопрошает ты-то куда? Но обезумевший Николай не своим голосом кричит: «Надо девочек!» В ужасе старый председатель пинает парня, но тот словно не замечает удара, он захвачен общей вакханалией.

У Сергея Нилуса, произведения которого в самиздатовской версии, по свидетельству А. Заболоцкого, читал Шукшин есть очень важный для понимания этого фрагмента фильма эпизод: «Однажды ямщик Казакин работал один около своей угольной ямы и внезапно, среди бела дня, увидел множество бесов в образе людей обоего пола. Бесы в странных одеждах и в колпаках сидели на высоких деревьях, играли на каких-то невиданных музыкальных инструментах и припевали: — Наши годы! Наша воля! Они и еще что-то пели, но Казакин с испугу не мог вслушаться. Казакин стал креститься и молиться, но видение не исчезало. Страшно испуганный Казакин бросился бежать домой. Дорога к дому шла по берегу реки, а на берегу росли большие раз-

весистые березы. И на всех березах этих во множестве сидели бесы, играли на инструментах и с торжеством бесчинно припевали: — Наши годы — наша воля! Наши годы — наша воля!..»

А Матвей снова наедине со своими думами и сомнениями. С вопросом: куда же пританцует деревня? — он идет к вдохновителю Кольки — деревенскому интеллигенту Вениамину Захаровичу. Но напрасно ждет серьезного разговора Матвей. Захарыч отвечает, что человек себя всегда прокормит, но ведь главное: надо еще «песню спеть», «черта с рогами выдумать»... Старый председатель понимает: интеллигенция тоже пленена нечистым духом. Мало того, что интеллигенция сама бесплодна (у Захарыча ни семьи, ни детей), интеллигенция снова толкает народ к гибели. Вениамин Захарович рассказывает мужикам о Стеньке Разине: «Бывало, как развернется, как глянет исподлобья... травы никли... Но справедливым был». Советская мифология льется из уст Захарыча. Важная деталь: вождь Степан насильно кормит своим куском конины голодного воина-казака. Причем Стенька даже обнажает саблю, чтобы заставить воина съесть мясо. Конина для русского человека — нечистая еда, а благом и добром считается — поделиться куском хлеба. Даже советской мифологии вожди принимали от народа

В.Е. Попков
«Северная часовня»,
1972 г.

хлеб. Безусловно, что это архетип библейского происхождения — еще ветхозаветный Авраам приносил хлеб в дар Мелхиседеку, царю Салима. Пятью Хлебами насытил Господь пять тысяч, следовавших за ним. Наконец, Сам Христос именовал себя «Хлебом, спшедшим с небес». «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Иоан.6:35).

Симптоматично, что интеллигент Вениамин Захарович не брезгует блатной лексикой: казакам Разина «жрать было нечего», казак от голода «дошел». Для Шукшина это не оговорка. В «Калине Красной» (за это Шукшин получил порцию ненависти «воров») Шукшин одним из первых художников советского периода показал ложь блатной романтики и вскрыл ее подлинно инфернальную сущность, что подтверждается и гибелью Егора Прокудина. В киноновелле Шукшин явно проводит эту мысль — именно заблудившаяся интеллигенция подвигает народ чтить разбойников, но блатной жаргон — деталь, которая обнажает истину: за внешне величавым Степаном скрывается Губошлеп — обычный блатной «пахан», а лекция «гуманитария на пенсии» Вениамина Захаровича низводится до уровня лагерной байки. Поразительна и убедительна игра актера Пантелеймона Крымова. По убедительности сыгранного образа, на наш взгляд, он превзошел даже героя Романа Карцева в фильме «Собачье Сердце».

Далее в фильме тема разбоя и бунта развивается до своего предела — цареубийства. Захарыч, указывая на изваяние связанного Разина, утверждает: это не его казнили, это «он казнил Романовых». Тем самым и вождь революции предстает перед нами как последователь и продолжатель разбоя в Русской земле. Внезапно звучащая в фильме «Легенда о двенадцати разбойниках» в исполнении Шаляпина открывает глаза Николаю: на словах «Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил» мастер сгребает Разина и бросает скульптуру в огонь. Сказаны (спеты) истинные слова: Разин — лютый разбойник. Но нераскаянный. Помочь ему — значит сокрушить его славу. И сокрушить ложное искусство.

Следующие кадры комбинированных съемок обгорающей скульптуры Степана высвечивают резко надбровные дуги, а языки пламени словно вырисовывают на скульптуре рога. Связанный Разин — это даже не Прометей, на обуглившейся скульптуре Разина, языки пламени высвечивает лик Люцифера... Инфернальная суть Разина, кажется, ясна для Кольки, баллада о разбойнике Кудеяре разбудила его от сна прелести: на заключительных словах баллады: «За Кудеяра-разбойника будем мы Бога молить» — лицо Николая, наконец, проясняется. И тут в ночной тиши над деревенской раздается настоящий, церковный колокольный звон...

***

Ряд ли герои Шукшина в прямом смысле слова «положительные». И в то же время, без сомнения, автор любил своих героев. Даже в явно биографических рассказах Шукшин честно показывает самые неприглядные черты своего героя, и крайне редко в его творчестве бывает так, что отрицательные персонажи не заслуживают жалости. Жалко и Тимофея Худякова из рассказа «Билетик на второй сеанс», и старика Баева из «Беседы

при ясной луне»... Лишь перед немотивированной жестокостью и бесчеловечностью отступает автор. Отец и сын из «Обиды», прокурор из рассказа «Мой зять украл машину дров», «горилла» из «Бори» лишены не авторского сочувствия, они лишены понимания — в своей немотивированной ненависти, в крайнем проявлении бесчеловечности они как бы становятся за чертой уразумения их поступков. Но герои Шукшина, и ужасаясь, все же смятятся понять и их. Веня Зяблицкий желает напугать прокурора не в качестве мести — он хочет в нем увидеть человеческие черты — хотя бы страх, и увидев этот страх, как бы успокаивается. В документальном рассказе «Кляуза» автор-повествователь тщетно пытается вспомнить лицо вахтерши. Эта невозможность вспомнить человеческой героини на протяжении рассказа приводит героя к печальному вопросу: «Что с нами происходит?». Страшно не только то, что обидчица-вахтерша «потеряла лицо». Страшно и то, что обиженный автор-повествователь не смог рассмотреть в ней этого человеческого лица. В этом подлинная сюжетная коллизия рассказа.

Это делает героев Шукшина, что уже отмечалось, сродни героям Достоевского. Подпольный человек Достоевского также иррационален. Никто не сможет назвать подпольного человека «положительным героем», но именно этот герой, а не болконские с левиными развенчал ложь и бесперспективность материалистической позитивистской концепции человека. Как подпольный человек, так и герои Шукшина не желают становиться винтиками и колесиками, пусть даже в самом совершенном механизме человеческого счастья.

Православное богословие говорит нам о вечности и неизгладимости образа Божия в каждом человеке. Подобие Божие человек может и потерять, да так, что даже уподобится «скотом несмысленным». Но даже в самой ужасающей действительности, разорении, голоде, заточении вдруг в самом маленьком человеке начинает блистать этот Божественный свет. Именно поэтому даже самый бездумный, глупый, иррациональный поступок героя Шукшина являет в нем блик Истины, да так, что и нас самих это заставляет вспомнить о нашем человеческом достоинстве.

Способность видеть в каждом человеке за обезображенным грехом естеством образ Божий есть свидетельство истинной просвещенности Светом Христовой истины. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло». (Матф.6:22). Старцы, которые принимали и принимают в монастырях многочисленных посетителей, вопреки распространенному даже среди верующих мнению, обращают свое внимание в человеке не ко греху, не к страстям, которые временны и случайны, но к вечному образу Божию в человеке.

Именно это — образ Божий открывает в своих героях и Шукшин, пусть и не называя по имени, пусть и сам до конца не осознавая то, что он показал и открыл... И именно этим так притягательно для нас его творчество: его герои нам родны и дороги. И это непрестанное прозревание в человеке Божественного образа делает Шукшина представителем религиозного реализма в русском искусстве — того реализма, который Достоевский называл «реализмом в высшем смысле».

НИНА ПАВЛОВА

Сильнее сильного

Кустик чёрной смородины рано почувствовал весну. Чуть только стало пригревать солнышко, почки на нём зазеленели, потом распустились, и кустик зацвёл.

Какой он был сильный, здоровый, радостный, сверху донизу убранный кистями зеленоватых цветков!

Но в тот самый день, когда на нём распустились последние цветки, рядом с ним из-под земли вытолкнулся какой-то чужой росток — толстый белый крючок. На холодном весеннем воздухе он сначала покраснел, потом стал зеленеть и расправлять свои листочки. Кустик чёрной смородины не обращал на него внимания: росток как росток, — мало ли их весной?

А росток все рос и рос, стал зелёной веточкой, лёг на землю и начал потихоньку подползать к кусту. Подполз и прижался верхушкой к одному из его стеблей.

— Ты что? — ласково спросил его Кустик. — И кто ты такой?

— Я Вьюнок, Вьюночек. Я очень слабенький: не могу сам держаться в воздухе, вот я и прижался к тебе. Ведь ты такой сильный, такой крепкий!

— Да, я сильный, — ответил Кустик. — Вот увидишь, сколько на мне будет ягод, и каких крупных! Ветки склонятся под их тяжестью. Но я всё выдержу.

— Какое счастье быть сильным! — сказал Вьюнок. — Позволь мне немножечко взобраться по твоему стеблю. Здесь внизу, так темно. Я хочу подняться к свету. Не бойся, я тебя не обижу.

— Ну что ты! — сказал Кустик. — Да разве я не понимаю, что ты не можешь причинить мне никакого вреда, такой-то слабенький! Ползи, малыш, ползи на здоровье. Ведь у меня же не один стебель. Видишь, как их много?

— Вижу, вижу, — сказал Вьюнок.

Он обвился вокруг стебля и пополз по нему, как змея, вверх. Полз он тихо-тихо, чуть заметно, но всё время приближался к свету. А Кустик отцвёл, — на нём появились маленькие зелёные ягодки. И он изо всех сил старался, чтобы ягодки скорее подрастали, и наливались. Но жить ему становилось день ото дня труднее: из-за вьюнка ему не хватало ни воздуха, ни света, ни пищи.

Зато Вьюнок быстро окреп и разросся. У него выросли веточки, и они обвили вокруг ветвей Куста. Теперь Вьюнок стал расти ввысь и вширь и скоро заплёл половину Куста и прикрыл его листьями своими.

Кусту стало совсем уже душно и темно. И он решил поговорить с Вьюнком.

— Я не хочу тебя обидеть, — сказал он ему. — Я знаю, что и ты не хочешь меня обижать. Но хоть и нечаянно, а ты стал меня теснить, и я тебя очень прошу: не занимай, пожалуйста, остальных моих стеблей.

— Вот ещё! — грубо ответил Вьюнок. — Я буду расти, сколько хватит сил.

От этих слов Кусту стало страшно. И не напрасно он испугался. Вьюнок разрастался всё больше и больше, взбирался на стволы и ветки и вскоре обвил весь Куст так, что не стало видно ни одного его листа.

Несчастный Кустик обессилел. Он уже давно перестал мечтать об ягодах: они ещё зелёными осыпались на землю. А за ними стали сохнуть и опадать один за другим и листья.

Кустик задыхался и голодал. И он решился ещё раз поговорить с Вьюнком.

— Вьюнок, — сказал он, — я дал тебе подняться к свету, а ты меня душишь, убиваешь.

— Вот чудак! — ответил Вьюнок. — Вместо того, чтобы ныть, ты бы радовался, что я уже весь в бутонах и собираюсь расцвести. Тебя же ведь украсят мои чудесные цветки.

Они действительно украсили умирающий Кустик. Нежные, бледно-розовые душистые цветки-трубы покрыли Кустик снизу доверху. Теперь он стал виден издали, и две девочки — беленькая и чёрненькая, — проходя по дороге, заметили его и заспорили:

— Это розочки, — сказала беленькая.

— Нет, это цветёт жимолость, —

сказала чѣрненькая.

И обе побежали к кусту, чтобы убедиться, кто прав. Тут чѣрненькая стала восхищаться Вьюнком, а беленькая раздвинула его сплетѣнные стебли, увидела под ними засыхающіе ветки Кустика чѣрной смородины и пожалела его.

— Противный Вьюнок, — сказала она, — заплѣл такой хорошенький кустик, совсем его задушил!

И она стала раскручивать крепкіе, похожіе на проволоку стебли Вьюнка.

— Не надо, не порти! — воскликнула чѣрненькая, но тут же передумала:

— Ну, хорошо, мы сделаем себе из Вьюнка веночки.

Вдвоѣм девочки быстро раскрутили и оборвали все стебли Вьюнка. А потом беленькая нашла черепок, выкопала им длинное корневище Вьюнка и забросила его в канаву.

— Веночки у нас будут, но твой кустик всё равно не

оживѣт, — сказала чѣрненькая, когда девочки собрались уходить.

— Нет, может, и оживѣт, — ответила беленькая. — Ветки у него гибкіе, — значит, живые.

И она оказалась права. Осенью, когда пошли дожди, Кустик чѣрной смородины очнулся и зазеленел.

«Уже весна, — подумал он. — Но отчего же Солнце поднимается так поздно и так быстро скрывается? Почему деревья и травы так печальны? И что такое со мной? Я никогда ещё не встречал весну таким усталым и слабым».

Он чувствовал себя слабым, пока на его ветках не развернулись листья. Но когда они расправились, выросли и стали ловить солнечные лучи, Кустик чѣрной смородины повеселел и окреп. И тогда-то он вспомнил всё, что с ним случилось, и понял, что враг его погиб и что весна ещё впереди.

— Я буду жить! — воскликнул он. — Я буду жить, и никто не будет мне больше мешать!

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

*«Буди нас
икона сия защитою...»*

1 июля завершился 14-й по счету крестный ход из Барнаула в Коробейниково к главной святыне земли алтайской — Казанской (Коробейниковской) иконе Божьей Матери.

Ежегодно в конце июня на Алтай приезжают паломники из разных уголков России, чтобы совершить крестный ход и поклониться светлomu образу чудотворной иконы.

Богородице-Казанский храм в селе Коробейниково построили и освятили в 1902 году. По воспоминаниям старожилов, он был украшен многими замечательными иконами, но особое место среди них занимала икона Казанской Божией Матери. В 1938 году храм в селе был разграблен и закрыт. Икону Казанской Божией Матери бросили около входа в храм и ходили по ней. В самом храме устроили зерносклад...

По преданию, Ольге Гавриловне Перегудовой (Олюшке Темной) во сне три раза являлась Матерь Божия с наказом спасти ее образ. По просьбе молитвенницы на это отважились ее племянница и соседка. Женщины вынесли икону. Очистив ее от грязи, они увидели, что некогда прекрасная икона безнадежно испорчена: посредине иконы — щель шириной в палец; верхний слой краски осыпался, ликов Божией Матери и Младенца нельзя рассмотреть — хорошо видны были только их глаза...

С того времени у иконы постоянно собирались верующие, пели акафисты, читали молитвы. Лики Богоматери и Богомладенца постепенно стали проясняться.

В 1960 году Ольга переехала в Барнаул. И теперь уже сюда, к чудотворной иконе, приходили верующие и икона являла новые чудеса.

Ольга Гавриловна Перегудова умерла в 1982 году. Икону временно определили в странноприимный дом близ Покровского кафедрального собора. Ее хранила тайная монахиня Глафира (в миру Галина Любицкая), впоследствии ставшая настоятельницей Знаменского женского монастыря в Барнауле. Сохранила матушка Глафира и записки об исцелениях разных людей, молившихся перед чудным образом.

2 июля 1994 года икона Казанской Божией Матери была доставлена в Коробейниково и установлена в обновленном храме.

По страницам сайта
altai.eparhia.ru

фото И. Присяжнюк

МЫСЛИ О ДУХОВНОМ

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ТКАЧЕВ:

КУДА ИДЕМ, православные пилигримы?

Помню, проводил однажды беседу с группой людей, и коснулись мы с ними темы паломничества. Пришли тогда с людьми к следующему выводу: Что есть паломничество? Ответ: подъятый на плечи труд молитвы и путешествия ради Господа. Что есть путешествие? Потраченные деньги в обмен на удовольствия, комфорт в пути и накопление новых впечатлений.

Отсюда следующий вопрос: Можно ли незаметно превратить паломничество в обычное путешествие с религиозным оттенком? Ответ: еще как!

Спорт можно извратить коммерцией, вино — до неприличия разбавить водой, а паломничество — девальвировать до уровня утонченного религиозного удовольствия. Вот, дескать, был, видел, помню, и — показать альбом фотографий.

Рискую задеть этими словами многих, но, по словице: Хоть друг Платон, но истина дороже.

Непоседлив стал человек. И несет эту непоседливость человек за собою всюду. Если в церковь идет, то и туда несет свою непоседливость. Вот читаем раз за разом о том, как Марфа суетится об угощениях. Читаем тут же о том, как Мария, «седши при ногу Иисусову слушает слово Его». Читаем всякий раз о том, чья часть благая, «яже не отнимется». Но посидеть при ногах Иисусовых все равно не спешим. Спешим побегать вокруг да около, и саму смиренно сидящую Марию хотим вовлечь в благочестивую спешку. «Рцы убо ей да ми поможет»

Нет слов, времена сильно изменились. Те наши первые пилигримы, которым посчастливилось в 90-х вырваться в пределы Святой Земли, казались небожителями. И сами себе они такими казались, и все вокруг на них смотрели снизу вверх. Но изменились времена. Уже среди духовенства не сразу сыщешь того, кто нигде не был и ниоткуда святынь не привез.

Только посреди этой констатации властно звучит уже иная нота: пора успокаиваться. Посмотрели, поехали, пофотографировались. Лучше стали? Не думаю. По крайней мере, улучшения не очевидны и не массовы.

Время требует углубления трудов, работы именно вглубь, а не по площадям. Я из своего небольшого и скром-

канного паломнического опыта вынес, по крайней мере, несколько выводов.

Вывод первый. Тот, кто ездил к святыням ничуть не лучше того, кто никуда не ездил. Хуже может быть, лучше — вряд ли. Хуже может быть потому, что имеет повод к высокомерию, к рассуждению о вещах высоких, к которым, якобы, прикоснулся. Прикосновение внутреннее ко Христу от перемещения в пространстве не зависит. (Читай разговор Христа с самарянкой) Хуже может быть еще и потому, что с него спрос больше. Многое далось — многое спросят.

Один паломник мне так и сказал после посещения Афона: «Афон на Афоне остался, а я домой приехал. Я это я, а Святая гора Святой горой осталась». Другой говорил, что Афон это — люди, а не что иное. Есть живые носители подлинного опыта — едь и сиди у ног их. Никуда не ходи, не накапливай впечатлений. Сиди и прислушивайся к голосу человека, умеющего молиться, и к своему сердцу, молиться не умеющему.

Вот, кажется, Паисий Святогорец говорил о себе, что, прожив на Афоне много лет, он так и не обошел всех афонских монастырей. Да что там всех. Половины, может, не обошел. Говорил это и показывал на ослика, что жил близ его каливы: Мы с ним вместе на Афон пришли. Бедное животное так и осталось ослом, и я остался сам собою.

Это — подход к жизни тихий и истинный, когда гордиться нечем и дергаться незачем. Ну, был. Ну, видел. Ну, успокойся теперь. Собой займись.

Вывод второй. Все необходимое дано человеку в Церкви: в Таинствах, в молитве, в братском общении. Если ты этим, сидя на месте, не живешь, то нет толку от твоих священных путешествий. Только гордыню раскормишь. Я много лет служил в храме имени Великомученика Георгия. Это значит, что каждый год — храмовый праздник с бдением, приездом гостей, торжеством, крестным ходом.

Это значит, что на каждой Литургии Великомученику Георгию — и тропарь, и кондак пели, не заглядывая в книгу. Каждую неделю — акафист. Дьяконская моя

хиротония на Георгия произошла. И при этом всем не мог я сказать по совести, что душа моя любит Велико-мученика Георгия. Читал его, да, но не чувствовал, огнем изнутри при его имени не загорался.

Потом случилось быть и в Лиде, где тело его лежит. А потом и в Риме, где глава. И там, и там молился, конечно. Но зашла в мою душу любовь к Велико-мученику Георгию не в Риме, не в Лиде и не в храме его имени. В другом храме во время службы в память его. Вдали и от мощей, и от большого числа богомольцев. И это не исключение. Это, вполне возможно, закон такой. Любовь к Богу и святым его на службах даруется и при молитве, где бы ты ни был.

Сколько паломников за всю историю Руси было в Бари у мощей святителя Николая до недавних пор? Очень скромное количество. А сколько храмов Николаю за всю эту историю построили, сколько служб отслужили, сколько молебнов пропели? Сколько раз и сам он посетил смиренных своих читателей, кого в тюрьме, кого в больнице, кого на поле боя! И близость эта святого угодника к людям, и любовь людей к святому никак от паломничества не зависела и вовсе не от них рождалась. От Святого Духа рождалась любовь, от любви — молитва, от молитвы — чудо, от чуда — память. И

все это было массовым, а паломничества — единичными.

Если сердце обрезано, то везде — Иерусалим, лишь бы служба в храме была. Таков второй и главный вывод. Это вовсе не значит, что паломнические отделы нужно закрывать. Боже сохрани. Это значит лишь то, что приоритеты надо расставлять правильно, и голову с хвостом не путать. А то может так получиться, что некто на гору Моисея всходил и возле Неопалимой купины сфотографировался, но Десять Заповедей, на Синае Моисею данных, так и не выучил, и в какой книге про явление Бога в пламени куста говорится, не знает. Ну а уж о том, что это все значило, и как это явление Богородицу прообразовало, и какое место это событие в истории мира занимает, и спрашивать не будем.

Скажем прямо: слетать однажды в Израиль для многих вовсе не обременительно.

Гораздо тяжелее всякое воскресенье в храм идти и при непривычном слове «Вонмем!» вытягиваться в струнку, чтобы услышать слова Господни, нынче ко всем молящимся обращенные. Но именно это последнее и делает человека христианином в сотни раз успешнее и полнее, чем перемещения в пространстве с последующими репликами «я там был». И учить людей нужно именно этому.

Отцы и учителя прошлых веков это все говорили

не раз. Иоанн Златоуст сдерживал в свое время неумные порывы к паломничеству и требовал жить Богом, питаться Богом, творить волю Божию, не покидая насыщенных мест.

«Батюшка», — жаловалась одна богомолка Амвросию Оптинскому, — «мне бы в Задонск, и в Саров, и к Сергию. Да денег нет» «Нет денег — на месте сиди, Богу дома молись», — отвечал старец.

И простота этого ответа — на все времена, даже и для тех, у кого есть деньги по всему свету мотаться.

Может, вы думаете, что обмереть от священного ужаса можно только на Голгофе, а в храме на Страстной это «не то»? Нет, дорогой. Это, во-первых, на ересь похоже. А во-вторых, это вы на Голгофе рискуете из-за толчеи и многолюдства ничего не понять. Зато у себя на приходе скорее выплачете всю душу, глядя на Распятого. Если только Пост проведете строго и чтения Евангельские будете слушать внимательно.

И главную в жизни радость, радость Воскресения Христова, сколько раз уже и скольким людям Господь давал пережить с максимальной полнотой и теплотой в смиренных храмах и незнатных местах! Так давал пережить, что иным, живущим даже по соседству со святыней, во всю жизнь пережить не удастся.

***

В этом году ко Дню космонавтики много нового услышать и прочесть пришлось. Раньше о Гагарине только и говорили, что он, по его словам, «Бога в космосе не видел». Теперь

говорят, что он и Хрущеву что-то серьезное о Боге шепнул, и о религиозном воспитании молодежи положительно высказывался. Так это или нет, я не знаю. Дай Бог, чтоб так. Но одна фраза, приписываемая Гагарину, мне в душу запала. Сказал он якобы, что «кто Бога на Земле не нашел, тот Его и в космосе не увидит»

Если эту фразу пристроить к теме нашего нынешнего разговора, то можно сказать так: «Кто Богу на своем маленьком месте не служит, тот зря по святым местам ездить собирается».

Встречаются впервые, конечно, люди с Богом по-разному. И найти Его можно и в паломничестве, и на одре болезни, и через нужную книгу, и через вовремя сказанное слово осоленное слово. Здесь, как раз, паломничество может свою службу сослужить. Но, найдя Бога, ради Него нужно потрудиться. А уж трудиться лучше никуда специально не разъезжая, на своем месте, на своем приходе, среди своих братьев во Христе и сестер.

Православие и мир

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало №№ 10-12, 2010 г., № 1-12, 2011 г., № 1-5, 2012 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встречи в Поднебесной

14

Гугнивый «Моисей»

С приходом в Китае к власти коммунистов, началось гонение на Православие. Под давлением руководства Советского Союза из Москвы власти Поднебесной под всякими предлогами начали запрещать православным посещать свои храмы. Русские, чтоб сохранить свою веру, опять вынуждены были бежать. Владыка Иоанн возглавил исход православных из Китая. И повёл он беженцев через Филиппинские острова, откуда удобнее выбираться в любую страну света. Было это в 1949 году. Гонимые православные разместились на разных Филиппинских островах.

Особенно много беженцев — более пяти тысяч находилось в лагере Международной беженской организации, созданной владыкой на острове Тубабао в Филиппинах. Жили в палатках. Благодаря содействию владыки Иоанна, все беженцы были снабжены всем необходимым, без чего русским эмигрантам, привычным к нищенскому существованию, не обойтись.

В лагере на Тубабао были помещены и все дети приюта. И, конечно же, среди них можно было увидеть наших знакомых: русскую девочку Соню и её китайского друга Ябу. Позаботился владыка Иоанн и о престарелых, которые не могли доживать свой век в Китае без Святой Неделимой Троицы, без Православной Церкви, которая является Телом Христовым. Вывез не только престарелых, но и верных Богу больных.

Предавшись своему пастырю — владыке Иоанну, все беженцы чувствовали себя на Тубабао и других островах защищёнными не только политически, но и от природных явлений. А бояться было чего. Филиппинский архипелаг находится на пути разрушительных тайфунов. Остров

Тубабао бесчисленное число раз страдал от них. Гибли люди, уничтожались постройки.

Однако во время двадцатисемимесячного периода жизни православных в лагере, остров Тубабао да и другие острова с беженцами только один раз могли бы претерпеть тайфун, причём мощной разрушительной силы. На этот раз тайфун двигался напрямиком к острову Тубабао, оставляя после себя на более южных островах небывалые разрушения: заливал берега, смывая в океан постройки, разбивал корабли, и даже на материке, далеко от берега, было много разрушений. Гибли люди. Тайфун быстро приближался к острову Тубабао. Люди не знали, что делать. На кораблях выходить в океан опасно. Все корабли укрылись в бухтах. И воздушные пути закрыты. Среди беженцев началась паника. Владыка Иоанн, как мог, успокаивал, говорил, что стихия не тронет их. Между тем тайфун был уже возле острова Тубабао... На берег двигалась высочайшая стена океанской воды.

Неожиданно тайфун переменял курс, обошёл остров, не тронув его, и продолжал дальше творить разрушения. Местных жителей это необычайно удивило. Такого природного явления тут никогда не наблюдалось. А потом филиппинцы начали утверждать, что произошло это потому, что на острове находится русский святой. И когда беженцы спрашивали местных филиппинцев об опасности тайфунов, то они отвечали, что нечего беспокоиться, ибо «ваш святой человек каждую ночь по нескольку раз обходит весь ваш лагерь и осеняет крестным знаменем со всех четырёх сторон». Это не единожды видели и Яба с Соней. Они часто вечерами подолгу бродили по берегу, слушая воркотню набегавших волн.

Постепенно на Филиппинах все стали говорить о

владыке Иоанне как о человеке Божиим, потому как Бог через него не единожды показывал чудеса природных явлений. Много шло к нему людей с неизлечимыми болезнями. В архивах упоминается случай, как владыка в Маниле молитвами исцелил или даже воскресил сына одного очень высокопоставленного лица. (Подробности автору не известны.)

Характерную картину описывает Г. Ларин:

«Будучи лидером церковного района, где находился храм, жили священники, монахини и владыка Иоанн, я иногда сопровождал владыку в город Гюань. Там в филиппинском госпитале лечились тяжело больные русские, бежавшие из Китая, которых он навещал, раздавая карманного размера Евангелия и маленькие иконочки. В одну из таких поездок, войдя в русскую палату, мы услышали доходявшие до нас издали болезненные крики. На вопрос владыки о причине этих криков, сестра милосердия сказала, что это безнадежно больная русская, которую, как беспокоящую своим криком больных, убрали из госпиталя и положили в прилегающий к этому зданию бывший американский военный госпиталь. Владыка немедленно решил пойти к страдальце, но русская сестра милосердия посоветовала не ходить ввиду того, что от неё исходит дурной запах. «Это ничего не значит», — сказал владыка и быстрыми шагами направился в ту пристройку. Я последовал за ним. От больной, действительно, исходил неприятный запах. Подойдя к ней, владыка положил ей на голову крест и стал молиться. Я отошёл. Долго молился владыка, затем исповедал больную и причастил. Когда мы уходили, она уже не кричала, а тихо стонала.

Прошло некоторое время. В один из таких приездов в госпиталь, едва мы въехали на джипе во двор, как из госпиталя выскочила какая-то женщина и бросилась к ногам владыки. Это была та самая «безнадежно» больная, о которой все говорили: «Скорей бы уж отмаялась».

Вскоре выяснилось, что Соединённые Штаты Америки по своим законам не могут принять на жительство такое большое количество людей. Владыка Иоанн полетел в США. И, вопреки всяким человеческим препятствиям, добился очень многого. Чтоб принять на жительство его пасомых, Правительство США и Сенат изменили некоторые свои законы, и всем беженцам позволено было переехать на жительство в их страну. Всё это очень удивило граждан Соединённых Штатов. Изменять законы не в правилах этой страны. Однако исход паствы владыки Иоанна был осуществлён. Подобно Моисею, который вывел евреев из египетского рабства, владыка Иоанн вывел на свободу Православия верных сынов Бога и грядущей Руси.

Тут уместно привести следующую запись В. Рейера (полное имя автору неизвестно), которая позволит лучше представить действия владыки Иоанна в США.

«По прибытии в Манилу владыка попросил меня устроить ему аудиенцию у министра внутренних дел,

где он решил просить облегчения жизни своим пасомым русским эмигрантам, находящимся в бедственном положении на острове Самар, и содействию дальнейшей перевозке их в Америку. Аудиенция нам была назначена через день в девять часов утра. В ответ на просьбу моей жены владыка разрешил привести в порядок его рясу для этого приёма. В назначенный день в восемь утра я подошёл с молитвой к двери его комнаты. Ответа не последовало. Я ещё раз повторил молитву, опять безрезультатно. Так повторялось несколько раз. Прождав ещё некоторое время, я решился открыть дверь.

Войдя, я увидел владыку, уснувшего на коленях в молитвенной позе перед образами. Я понял, что он всю ночь молился о благополучном исходе аудиенции, а под утро, видимо, сморил. При моём появлении владыка быстро поднялся и обещал сразу выйти. Через несколько минут он показался в дверях, но волосы на его голове были в беспорядке. Я решил, что в таком виде явиться к важному министру нельзя, и предложил владыке поправить волосы. Владыка отстранился и сказал: «Не надо, поедем». Я был уверен, что нас не примут. Во-первых, мы опаздывали почти на час, а во-вторых, в таком виде едва ли допустят к министру.

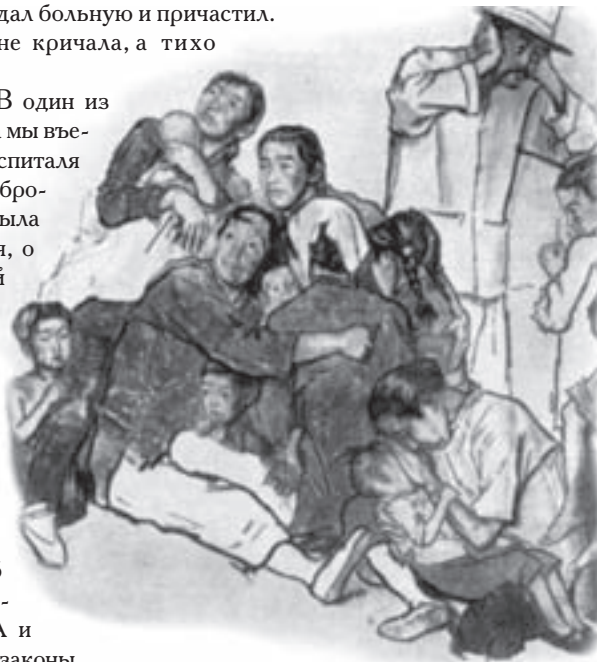
К моему удивлению, нас приняли сразу. Сам министр был очень любезен и внимателен и обещал сделать всё, что будет в его силах. Просил, чтобы владыка не беспокоился, что он постарается удовлетворить все его просьбы. Надо сказать, что министру не были известны подвиги владыки, его подвижничество, да и самого владыку он видел впервые.

Возвращаясь в отель, я всю дорогу мысленно рассуждал с самим собою, и мне стало очевидным, что человеческими мерками ни определить, ни оценить владыку нельзя. Что казалось для нас непреодолимым — не явилось препятствием на его пути. Господь сопутствовал владыке в его делах, и существующие для нас преграды переставали существовать на его путях. В этом я мог убедиться как в Американском консульстве в Шанхае, так и на пристани в Маниле, и в Министерстве филиппинского правительства».

После того, как лагерь был весь эвакуирован и люди разъехались по разным странам, большей частью в США, на остров Тубабао налетел страшный тайфун и разрушил лагерь до основания.

В ежегодный день памяти святого пророка Моисея, когда Церковь вспоминает его — Великого, Богобоящегося духовного вождя избранного народа, наш гугнивый «Моисей» — дорогой владыка Иоанн снимает обувь (свои неизменные сандалии) и босой совершает Таинство Евхаристии у Престола Божиего, будто перед Неопалимой Купиной.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в июле (по новому и старому стилю)

**Славных и всехвалных
апостолов Петра и Павла
(12 июля/29 июня)**

**Святителя Андрея,
архиепископа Критского
(17/4 июля)**

Святитель Андрей родился в городе Дамаске в семье благочестивых христиан. До семилетнего возраста мальчик был нем. Затем однажды по причащении Святых Христовых Таин он обрел дар речи и начал говорить. С того времени отрок начал усиленно изучать Священное Писание и Богословские науки.

Четырнадцать лет он удалился в Иерусалим и там принял пострижение в обители преподобного Саввы Освященного. Святой Андрей проводил строгую, целомудренную жизнь, был кроток, воздержан, так что все удивлялись его добротами и разуму. Как человек одаренный и известный добродетельной жизнью, он был назначен секретарем Патриархии — нотарием. В 680 году архидиакона Андрея включили в число представителей Святого Града на IV Вселенском Соборе, где он противоборствовал еретическим учениям, опираясь на глубокие знания православных догматов. В правление императора Юстиниана II (685-695) святой Андрей был рукоположен в архиепископа города Гортины на острове Крит.

Святитель Андрей написал много Богослужебных песнопений. Он стал основателем новой литургической формы — канона. Из составленных им канонов более всего известен Великий покаянный канон, заключающий в своих 9 песнях 250 тропарей и читаемый Великим постом.

Ему также принадлежат: канон на Рождество Христово, трипесницы на повечерии недели Ваий и на первые четыре дня Страстной седмицы, стихиры на Сретение Господне и многие другие песнопения. Продолжателями его гимнографической традиции были великие церковные песнопевцы последующих веков: святые Иоанн Дамаскин, Косма Маиумский, Иосиф Песнопевец, Феофан Начертанный. Сохранились также назидательные Слова святителя Андрея Критского на некоторые церковные праздники.

О времени кончины Святителя среди церковных историков нет единого мнения. Одни называют 712, другие — 726 год. Он скончался на острове Милитина, возвращаясь на Крит из Константинополя, где был по делам Церкви. Мощи его были перенесены в Константинополь.

**Святых мучеников
Марина, Марфы и иных
многих с ними в Риме
(19/6 июля)**

**Святая Миллица,
княжна Сербская**

В царствование императора Клавдия II (268-270) святой Марин с женой Марфой и сыновьями Авдифаксом и Аввакумом пришёл из Персии в Рим, чтобы поклониться гробам святых апостолов Петра и Павла. В то время на Римскую Церковь обрушились жестокие гонения и казни. Святой Марин с женой и сыновьями стали служить христианам, заключенным в темницах, и погребать тела казненных мучеников. В одной из тюрем они встретили узника по имени Кирин и с любовью служили ему, как претерпевшему многие истязания за веру во Христа. Гонение распространялось и захватывало все большее число христиан. В то время 260 христиан, среди которых был трибун Власт, по-

сланные по приговору суда копать землю у салирийской дороги, были расстреляны из луков. Марин и его семья, узнав об этом жестоким убийстве, вместе с пресвитером Иоанном стали по ночам уносить тела мучеников и хоронить их в катакомбах. Вернувшись затем в темницу, где был заключен святой Кирин, они не нашли его, так как накануне его казнили, а тело бросили в Тибр. Исполняя свое святое служение, святые Марин, Марфа и их сыновья извлекли из реки тело святого мученика и предали его земле. Святые труженики были приняты христианами, которые продолжали тайно совершать Богослужения во главе со святым епископом Каллистом, и скрывались у них от преследователей.

В довершение великих подвигов милосердия святая семья удостоилась послужить Господу принятием мученической кончины. Язычники обезглавили мужественного исповедника Валентина пресвитера и обращенного им в христианство императорского сановника Астерия, а вместе с ним были преданы мучениям и жившие у них святые подвижники из Персии.

**Святой Милицы,
княжны Сербской
(1 августа/19 июля)**

Святая Миллица была женой святого князя Лазаря, погибшего во время великой Косовской битвы (1389 г.), защищая Святую Церковь от мусульман. Она управляла народом, пока не подрост ее сын, Стефан (Высокий). В 1393 году поступила в Жупаневачский монастырь около Крушевака с именем Евгении. Когда ее сын, в 1402 году, на время покинул страну, она, несмотря на монашеский чин, правила государством. Святая Миллица заботилась о вдовах, принимая в монастырь многих жен, чьи мужья-воины пали на поле брани; помо-гала строить и поддерживала многие монастыри и церкви. В конце жизни приняла великую схиму с именем Евфросинии. После своей кончины совершила множество чудес. Ее мироточивые мощи исцелили много больных. Вместе со своим мужем она по-дает силу свыше и утешение страждущей ныне Сербии.

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 11.07.12. Выход по графику 30.06.12

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.